

Исходная страница:

<http://intersectionproject.eu//ru/article/russia-world/rossiyskaya-vneshnyaya-politika-pobedit-strukturnuyu-inerciyu-0>

• Автор: [Василий Жарков](#)

Российская внешняя политика: победить структурную инерцию

Отношения России и Запада в тупике, причем обе стороны чувствуют себя там вполне органично. Никто не готов предлагать какой-либо долгосрочной стратегии, действуя по хорошо известному и испытанному алгоритму противостояния. На этом фоне Россия движется знакомой колеей, как во внутренней, так и во внешней политике.

Заложники течения

Нынешний кризис принято ассоциировать с фигурой Владимира Путина. Ни в коем случае не умаляя его заслуг в новой конфронтации, это явление вряд ли может быть объяснено одним человеком. Впрочем, однажды так уже было: конец холодной войны на рубеже 80-90-х годов, как писал профессор Стокгольмского университета Кьелл Голдманн, связывался почти исключительно с тем, что во главе СССР стоял Михаил Горбачев. Подобные конструкции, конечно, очень просты и дают понятный образ для масс-медиа. Но с точки зрения политической науки они ценны лишь тем, что ставят ее под большой

вопрос.

Путин настолько долго правит Россией, что многие успели позабыть, как его появление на посту российского президента 18 лет назад вызвало энтузиазм внутри страны и за ее пределами. Путин пришел к власти как прозападный лидер и реформатор, намеревавшийся продолжить транзит России к обществу, основанному на рыночной экономике, демократии и интеграции в глобальный мир. Его первоначальной программой стали «равноудаленность олигархов» и «диктатура закона», что наряду с восстановлением нормальной работы государственных функций воспринималось как шаги позитивного развития. Расширение сотрудничества с США, ЕС и НАТО в этом контексте представлялось необходимой и реальной перспективой политики «немца в Кремле».

Не стоит забывать, что 90-е годы не были таким уж безоблачным периодом в отношениях постсоветской России и евроатлантических партнеров. Само появление независимой России на фоне стремительного распада СССР произошло скорее вопреки интересам США, предпочитавших сохранение целостности второй ядерной сверхдержавы. Короткий «медовый месяц» в отношениях Москвы и Вашингтона ознаменовался больше декларациями и обещаниями, чем конкретными делами, и скоро сменился медленным похолоданием. Уже в середине 90-х многим наблюдателям становится понятно, что структурные преобразования в России не приносят желаемых результатов. Обещание демократизации обернулось монархической конституцией с новым дряхлым «царем» в Кремле. Выбранная модель приватизации породила класс олигархов. Провал социальной политики и системы образования подорвал человеческие ресурсы.

Задолго до Крыма

Запад и Россия перестали быть угрозой друг для друга – таким был общий лейтмотив первого десятилетия после окончания Холодной войны. Эта эйфория не позволила увидеть структурных оснований для возвращения к конфронтации. Збигнев Бжезинский датировал упущенный шанс на сотрудничество второй половиной 1993 года. Тогда президент Ельцин признал, что стремление Польши присоединиться к НАТО не противоречит российским интересам. Ответом Вашингтона могла стать сделка с Москвой, устанавливающая особые отношения между Россией и НАТО. Но администрация Клинтона не воспользовалась моментом, и уже два года спустя, в конце 1995 года, на фоне скандалов с нарушением прав человека во время первой чеченской войны и ответных демаршей российского руководства, наблюдатели открыто заговорили о состоянии если не новой Холодной войны, то «холодного мира». Сотрудничество с НАТО формально развивалось, но параллельно Москва начала выступать с критикой расширения на восток и планов США по развитию собственной системы ПРО. Довольно долго это выглядело малозначительными популистскими заявлениями для «внутреннего пользования», но именно это создавало необходимую почву конфронтации, как в общественном мнении, так и внутри элиты.

Камнем преткновения стал конфликт в бывшей Югославии: руководствуясь мотивами, замешанными на национальном романтизме, Россия фактически поддержала режим Милошевича, в то время как западные союзники добивались его отстранения от власти и передачи его дела международному трибуналу. В результате последний год президентства Ельцина ознаменовался двумя демаршами. Разворот над Атлантикой самолета премьер-министра Примакова, направлявшегося с визитом в Вашингтон, стал жестом протеста против американских бомбардировок Белграда. В июне 1999 года, когда Примаков уже был отправлен в отставку, российский батальон ВДВ, входивший в состав миротворческих сил на Балканах, совершил марш-бросок, захватив аэропорт Приштины с целью помешать высадке туда сил НАТО и развертыванию наземной операции против югославской армии Милошевича. Учитывая неравное соотношение сил, планы российских военных держались в строжайшей тайне, их действия носили неожиданный и молниеносный характер, рассчитанный на медийный эффект. Так проявился берущий начало в 90-х особый стиль российской силовой политики, апогеем которого стали Крым и Сирия.

«Великая Россия поднимается с колен» – эти слова президента Ельцина на инаугурации 1991 года были специфически поняты новым поколением российских госслужащих, сменившим номенклатуру ЦК. Их делом стало возрождение империи, сшитой, как отмечает британский исследователь Бобо Ло в книге «Россия и новый мировой беспорядок», «для эпохи постмодерна», где непрямой контроль, а также

экономические и культурные связи играют большую роль, чем военно-административное давление. В результате выхода Украины из переговоров по союзному договору и распада СССР, новый российский правящий класс оказался в двойственном положении. С одной стороны, им удалось в прямом смысле вырвать Кремль из рук союзного центра, получив возможность безраздельно распоряжаться властью и собственностью в самой богатой ресурсами советской республике. С другой стороны, значительная часть территории бывшей Российской империи, ассоциирующейся с исторической Россией, формально и фактически оказалась за границей. Не имея возможности конкурировать на равных с развитыми внешними игроками, Кремль с самого начала был вынужден идти на хитроумные уловки и авантюры, чтобы сохранить хотя бы видимость влияния в утраченных имперских границах. Отсюда поддержка непризнанных государств с целью ослабления западно-ориентированных суверенных правительств Молдовы, Грузии, а позднее и Украины. Понятие «постсоветского пространства» для российского политического класса приобрело особое значение. Так геополитика стала инструментом, оправдывающим ограничения для других более сильных игроков, в первую очередь США и ЕС, искренне не понимающих, почему в условиях современного мира они не могут действовать на этой территории так же, как в остальных частях мира.

Неудивительно, что задолго до Крыма, Донбасса и сбитого самолета МН17 появлялись – как на Западе, так и в самой России – достаточно пессимистические прогнозы. Сэмюэл Хантингтон одним из первых заметил усиливающийся цивилизационный разрыв: если западный демократ мог вести равные интеллектуальные споры с советским марксистом, то диалог с русским православным националистом для него уже вряд ли возможен. Согласно прогнозу Хантингтона, отношения Запада с Россией будут варьироваться «от холодности до применения насилия», балансируя между двумя этими крайностями. Другой важный прогноз принадлежит Николаю Косолапову, написавшему в 1995 году, что в начале нового столетия Россия «рискует превратиться в центр социальной и политической реакции», и это может «снова противопоставить ее Западу и другим регионам и культурам».

На пути к катастрофе

Мог ли Путин, придя в Кремль, изменить набиравший темпы сценарий нового противостояния? Возможно, историки будут спорить об этом в контексте общего вопроса, мог ли он изменить Россию, сделав ее политическую структуру более современной. На сегодняшний день можно лишь сказать, что, отказавшись от решительных изменений и выбрав скольжение по течению, нынешний президент России, будучи изначально талантливым спецслужбистом-исполнителем, довел доставшуюся ему постмодернистскую феодально-имперскую систему до своего рода вершины совершенства.

Путин, как и вся новая российская элита, смотрит на Запад с двух конфликтующих точек зрения. С одной стороны, Запад с его капиталом и технологиями – ресурс развития и обогащения. С другой стороны, либеральная политическая система Запада выглядит опасным соблазном, угрожающим интересам и спокойствию российской бюрократии и олигархии. В конечном итоге взгляд на демократические революции в сопредельных странах как на репетицию переворота в самой России привел на фоне отказа от структурных реформ к тому, что страх победил рациональные мотивы кооперации. В свою очередь западное общественное мнение после недолгого ожидания перемен от тогда еще молодого и по-европейски выглядящего российского лидера, после Норд-Оста, дела Ходорковского, Беслана и убийства Политковской все больше теряло надежду увидеть реальное обновление России. Теперь же, через десять лет после мюнхенской речи 2007 года, стороны прошли путь от ожидания перемен к ситуации, все чаще именуемой «новой Холодной войной».

Можно лишь согласиться с Бобо Ло: российско-западные отношения столь долгое время далеки от состояния нормальности, что «нормой» здесь скорее выглядит состояние, если не открытого конфликта, то постоянной взаимной напряженности. Эффект инерции в международной политике проявляется, пожалуй, как нигде: Россия и ведущие европейские страны имеют опыт отношений, исчисляемый столетиями, российско-американские отношения не могут не испытывать влияния продолжительного периода межблокового противостояния после Второй мировой войны. Балансирование на грани открытого столкновения, постоянные дипломатические выпады, поддержка противоборствующих сторон в региональных конфликтах, гонка вооружений, санкции и торговые войны, взаимная пропагандистская борьба и шпиономания – все это очень знакомая и понятная модель поведения, где каждый ход с обеих сторон буквально отточен начиная по меньшей мере со времен, предшествовавших первой Крымской

войне.

Ловушка Холодной войны

«Россия слаба, но война с ней стала бы разорением» – удивительным образом эти скоро уже двухсотлетней давности слова лорда Пальмерстона лучшим образом характеризуют текущий взгляд на российский вызов. Не теряют актуальности и тогдашние обвинения европейских деятелей в отсутствии стратегии, трусости и даже продажности, которые позволяют господину Путину каждый раз выходить победителем из, казалось бы, совершенно обреченной игры. «Русский медведь на все способен, – писал Маркс накануне Крымской войны. – Особенно когда он знает, что другие звери, с которыми ему приходится иметь дело, ни на что не способны». Тогда, однако, европейской коалиции удалось провести достаточно успешную операцию, без полномасштабной войны блокировав континентальную империю по основным морским направлениям, разгромив черноморский флот, взяв Севастополь и добившись ухода русских с Дуная. Николаевская Россия, служащая идеалом для сегодняшних российских охранителей, закончила катастрофой, а последовавшие вслед за этим Великие реформы открыли возможность модернизации страны.

Вместе с тем, сегодняшняя Россия практически полностью избавлена от риска прямого военного воздействия. Обладание вторым в мире ядерным потенциалом делает невозможными интервенции по аналогии с первой антииракской коалицией. По крайней мере до тех пор, пока западные союзники не решат проблему ответного удара, такая перспектива представляется крайне маловероятной. Однако вторая половина XX века породила другой способ взаимного сдерживания и ослабления, который оказался востребован с новой силой четверть века спустя после падения Берлинской стены.

«Холодная война» – предприятие, хоть и опасное, но чертовски удобное и выгодное, в первую очередь для бюрократии и военно-промышленных кругов. Наличие угрозы пусть и по разным основаниям признается с обеих сторон. Эта военная угроза, никогда не сбываясь в полной мере, играет самодовлеющую роль (если в XIX веке Европу волновало, возьмут ли русские Константинополь, хотя они не смогли двинуться дальше Болгарии, то теперь страхи касаются возможного вторжения в страны Балтии, но в реальности речь не более чем о захвате Мариуполя). В век массовых коммуникаций это приобретает новые «умные» формы, когда в Москве боятся «цветной революции», а на Западе – кремлевской пропаганды и хакерских атак. Периодические кровавые вспышки локальных конфликтов подпитывают военный характер угрозы и дают заказы ВПК. Но главное – структурных изменений не требуется, и ясно, куда направлять бюджетные ассигнования.

Негативный эффект Холодной войны заключается не только в постоянном хождении по лезвию бритвы, но и в том, что государственная бюрократия и военные, приобретая экстраординарное значение на фоне внешней угрозы, получают дополнительную власть и еще более подавляют собственных граждан. Так, для России крайности «новой Холодной войны» чреваты частичным или полным восстановлением практик военного коммунизма, тотального огосударствления экономики, ее подчинения милитаристским задачам. Для Запада мобилизация перед лицом новой угрозы влечет ситуацию, когда демократические силы вынуждены уступать собственным «ястребам» и традиционалистам.

В поисках желаемого будущего

Итак, среднесрочный прогноз не сулит ничего, кроме вспышек региональных конфликтов, старых и новых. Ареной нового противостояния уже стали Восточная Европа и Ближний Восток. Не исключено, что к ним добавятся другие регионы. Дальнейшее ограничение доступа России к международному финансовому капиталу станет одним из наиболее эффективных направлений санкционной политики Запада. При этом, чем меньше Россия будет связана с этим финансовым капиталом, тем сильнее угроза ее полной автаркии. Но главное, Холодная война – узнаваемое, понятное и привычное состояние, оправдывающее существование бюрократических элит по обе стороны выстраиваемого заново железного занавеса, покрывающее их бездействие в отношении необходимых структурных изменений.

Путин преподал миру важный урок: если вы правитель великой державы и у вас все настолько хорошо, что можно ничего не делать, инерция приведет вас в ваше прошлое, безжалостно сожрав десятилетия исторического времени, потраченного впустую. Насколько далеко зайдет обратное поступательное

движение российской структуры, покажет предстоящий, очередной, не обязательно последний срок президента Путина. Но если уж объяснение происходящего не сводится к одной персоне, существующей структурной инерции могут помешать только структурные факторы. Главный из них заключается в том, что Россия, несмотря ни на что, продолжает оставаться в глобальной экономической системе, не имея возможности развиваться в отрыве от нее. Ровно на этой линии в ближайшие годы обнаружится предел движения вспять.

Однако полагаться исключительно на экономический детерминизм было бы слишком поверхностно. Неудачи российской экономики имеют очевидные политические причины. Все последние годы политическая структура России деградировала, ставя под вопрос фундаментальные основания современного мира – неприкосновенность частной собственности, личные свободы и права граждан, мирное сосуществование. Транзит, случившийся после коллапса СССР, обернулся архаизацией. Это и есть та токсичная почва, на которой произрастает современный российский вызов остальному миру, та, говоря языком Ганса Моргентау, «неприрученная варварская сила, которая строит свои законы из ничего, но верит в свои собственные силы как в единственное обоснование своей экспансии». Мир, конечно, переживет и это. Но первое, что нужно будет сделать, когда катастрофа постмодернистской империи все же случится, состоит в неумолимом изменении ее «вечной» политической структуры, основанной на самодержавии, гиперцентрализации и отсутствии контроля. Путь к миру лежит через преобразования изнутри, направленные на демонтаж господствующей военно-имперской структуры, демократизацию и федерализацию России.

теги

[geopolitics](#)

[West](#)

категории

[Russia / World](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu